

<Н. А. СОКОЛОВ>

<Убийство царской семьи>

<Фрагмент>*

§ 2

Царская семья

Государь император Николай Александрович получил воспитание, какое обыкновенно давала среда, в которой родился и жил он. Оно привило ему привычку, ставшую основным правилом поведения, быть всегда ровным, сдержанным, не проявляя своих чувств. Всегда он был ровен, спокоен. Никто из окружающих не видел его гнева.

Он любил книгу и много читал по общественным наукам, по истории.

Он был очень прост и скромн в своих личных привычках, потребностях.

* Впервые: Убийство царской семьи. Из записок судебного следователя Н. А. Соколова. Берлин, 1925. Печатается по этому изданию.

Соколов Николай Алексеевич (1882–1924) — русский юрист, выпускник юридического факультета Харьковского университета. Накануне Февральской революции 1917 г. состоял в должности судебного следователя по важнейшим делам (в Пензенской губернии). После Октябрьской революции 1917 г., переодевшись в крестьянское платье, сумел добраться до Сибири, где разворачивалась антибольшевистская борьба. С 24 февраля 1919 г. — следователь по выяснению обстоятельств убийства царской семьи. 19 марта 1919 г. передал уполномоченному командующего Сибирской армией генерал-майору С. А. Домонтовичу список на 164 лица, причастных к убийству царской семьи. Продолжил расследование и после отступления бывших армий из Екатеринбурга. После гибели адмирала А. В. Колчака с копиями семи томов следственного дела и подлинником восьмого тома выехал (20 марта 1920 г.) в Европу. Умер в эмиграции. — *Примеч. сост.*

Не только русская пресса времен революции, но и некоторые историки* и ныне стараются внедрить в сознание масс, что царь, при всех его недостатках, отличался еще склонностью к спиртным напиткам. Это неправда. Вино никогда не было для него потребностью. Он выпивал за завтраком, за обедом обычно не более рюмки сливовицы. Не пил коньяка; не любил шампанского. Если ему приходилось пить по необходимости, он пил столько, сколько требовала обстановка.

Воспитанный в условиях простоты жизненного уклада, он с давних лет привык отдавать свой досуг, если не занимался чтением, физическому труду.

Он любил природу и охоту.

Будучи весьма религиозным, царь был наделен сильным чувством любви к простому русскому народу. В заключении, если только позволяли обстоятельства, он шел к солдатам, сидел с ними, разговаривал, играл в шашки, проявляя чрезвычайную простоту. Он вел к ним и детей.

В нем крепко сидела мысль: русский человек — мягкий, хороший, душевный человек. Он многого не понимает, но на него всегда можно воздействовать добром. Он остался с такими взглядами до самого конца. Ничто не могло изменить их. Это было столь выпукло, что полковник Кобылинский, явивший великую преданность царю, жалуется на него на следствии: «Иногда из-за этого мне было тяжело». Царь не хотел видеть вины солдата-хулигана и винил не его, а командный состав. Благодаря этому он не понимал в заключении той опасности, которая ему угрожала.

Его власть как таковая была для него ничто, Россия — все. Он больше всего боялся быть увезенным за границу и не хотел этого.

Самой типичной чертой его натуры, поглощавшей все другие, была доброта его сердца, его душевная мягкость, утонченнейшая деликатность. По своей природе он был совершенно не способен причинить лично кому-нибудь зло.

Этим своим свойством он оставлял почти у всех людей одно и то же впечатление: очарования.

Было два свидетеля, вынужденных всей своей ролью около царя давать отрицательное о нем толкование. Это — Керенский и князь Львов.

* Милюков П. Н. История русской революции. С. 28.

Первый видит в царе скрытность, недоверчивость к людям, презрение к ним, ограниченность интеллекта, не отрицая, однако, у него «какого-то чутья к жизни и к людям».

Князь Львов говорит о царе как о «лукавом византийце».

И в то же время оба они — и Керенский, и князь Львов, характеризуя царя, употребляют одно и то же выражение. Керенский говорит о его «чарующих глазах». Львов говорит об «очаровании», которое он производил на людей.

Эта черта его природы приводила к тому, что люди в общении с ним забывали в нем императора.

По своему душевному складу он был живым отрицанием идеи самодержавия.

